

ВОЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ

XU RUI

MILITARY CONCEPTUAL METAPHOR IN RUSSIAN AND CHINESE POLITICAL DISCOURSES

Концептуальная метафора является важной составной частью национальной языковой картины мира, которая отражает менталитет и способ восприятия мира народа. На фоне колоссальных различий на формально-структурном, семантическом и когнитивном уровнях китайского и русского языков, многие концепты, ввиду общности человеческого опыта, имеют некоторые схожие характеристики. В данной статье анализируется концептуальная метафора «война» на примере политических речей выступлений президента РФ Владимира Путина и председателя КНР Си Цзиньпина в эпидемический период. Пандемия COVID-19, разразившаяся в конце 2019 года, стала глобальной проблемой, для решения которой требовалось объединение усилий разных стран, этот опыт стал частью нашей общей истории. В проанализированных 18 текстах выступлений Путина и 7 текстах Си Цзиньпина за 2020 год, когда были первые попытки противодействия быстроразвивающейся эпидемии, «война» выступает сферой-источником, а «борьба с пандемией» — сферой-мишенью. То есть пандемия сопоставлялась с врагом, а усилия, приложенные к борьбе с ней, приравнялись к войне, образуя 9 разновидностей фреймов, включая «военные действия», «военное пространство», «участники войны», «средства и стратегии» и т. д. В ходе исследования выявлены общие и отличительные черты военной метафоры в двух языках, общие черты отражают общность менталитета наших народов, наши схожие стимулы, но разный ход событий и отличие поставленных целей главами двух стран, в их речи метафора войны выражена разными фреймами. Следовательно, характеристики концептуальной метафоры зависят от предпосылок выступлений, прагматических целей оратора, имеют ярко выраженные лингво-культурные особенности.

Ключевые слова: концептуальная метафора войны; политический дискурс; речь выступления; эпидемический период.

Сюй Жуй

Доктор филологических наук, доцент

► 549560770@qq.com

Харбинский политехнический
университет

150001, Кунтай, Харбин, ул. Сидажичзе № 92

Xu Rui

Harbin Institute of Technology
92 Xidazhi ul., Harbin, China, 150001

The author argues that conceptual metaphor is an important part of the national language picture of the world, which reflects the mentality and way of perceiving the world of the people. Against the background of colossal differences on the formal-structural, semantic and cognitive levels of Chinese and Russian languages, many concepts, due to the commonality of human experience, have some similar characteristics. The paper analyses the conceptual metaphor of “war” using the example of political speeches of Russian President Vladimir Putin and Chinese President Xi Jinping during the epidemic period. The COVID-19 pandemic, which broke out in late 2019, was a global problem that required different countries to join forces, an experience that became part of our common history. In the 18 texts of Putin’s speeches and 7 texts of Xi Jinping, given in 2020, when the first attempts to counter the rapidly developing epidemic were made, “war” appears as the source sphere and “fighting the pandemic” as the target sphere. That is, the pandemic was juxtaposed with the enemy and the efforts made to combat it were equated with war, forming 9 varieties of frames, including “military action”, “war space”, “war actors”, “means

Статья написана при поддержке госпрограммы 中央高校基本科研业务费专项资金资助, тема проекта “一带一路东斯拉夫三国语言世界图景研究” номер проекта: AUGA5710051921.

and strategies”, etc. The study revealed common and distinctive features of the war metaphor in the two languages, the common features reflecting the common mentality of our peoples, our similar stimuli, but the different course of events and the difference of goals set by the heads of the two countries, the war metaphor is expressed in their speech in different frames. Consequently, the characteristics of the conceptual metaphor depend on the preconditions of the speeches, the pragmatic aims of the speaker, and have distinctly expressed linguistic and cultural features.

Keywords: conceptual metaphor *war*; political discourse; text of speech; epidemic period.

Введение

Эпидемия COVID-19, ставшая общим врагом всего человечества, кардинально изменила жизнь людей. Для борьбы с этим “врагом” были задействованы силы разных слоёв общества, начиная от простого населения и заканчивая профессиональными медицинскими работниками. В экстренной ситуации правительства стран сыграли ведущую стратегическую роль в координации глобальной борьбы с эпидемией коронавируса. Россия и Китай в этом процессе проявили дух добрососедства, оказывая медицинскую и материально-техническую помощь друг другу. Главы двух стран, руководя работой по борьбе с эпидемией, выступали с обращением к своему народу, информируя о состоянии развития противоэпидемических событий и давая наставления руководителям регионального управления. По жанру эти обращения можно отнести к политическому дискурсу, который имеет ряд стилистических особенностей, исходя из прагматических целей. Во время первой вспышки COVID-19 в политическом дискурсе президента России Владимира Путина отмечалась высокая частотность употребления метафор, что также было характерно для речей выступлений председателя КНР Си Цзиньпина. И именно военная концептуальная метафора стала общей особенностью русского и китайского политического дискурса в этот особый период борьбы с эпидемией.

Целью данной работы является выявление общих и отличительных черт военной концептуальной метафоры русского и китайского политического дискурса, с последующим формированием концептуальной модели, поиском и аргументацией причин возникновения отличительных качеств русской и китайской языковых картин.

Теоретические основы исследования

Понятие концептуальной метафоры зародилось с появлением в свет известной работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём», где метафора воспринимается не просто как стилистическая фигура, а уже в более широком значении этого слова, а именно как концептуальная основа когнитивной системы человека. «...Большая часть нашей обыденной концептуальной системы по своей природе метафорична» [Лакофф, Джонсон 2004: 25], писали авторы книги. «Так как метафорические выражения в языке системно соотнесены с метафорическими концептами, мы можем использовать метафорические выражения для изучения природы метафорических концептов и для понимания метафорической природы человеческой деятельности» [Лакофф, Джонсон 2004: 28].

«Хотя речь говорящего и отражает субъективный образ объективного мира и индивидуальную картину мира, всё это преломлено через коллективные сведения о мире, уже “пропущенные” через язык» [Кубрякова 2012: 10]. Поэтому метафора подобна зеркалу, в котором отражается национальное сознание носителей того или иного языка. Метафорическая система является важной составляющей национальной языковой картины мира, национальной ментальности, которая тесно связана с историей и современной социально-политической ситуацией соответствующей страны. Метафорой в широком смысле этого слова «...может быть назван любой способ косвенного выражения мысли» [Арутюнова, Журиная 1990: 296–297]. Метафорические выражения, используемые в материалах СМИ и политическом дискурсе, оказывают определенное влияние на формирование языковой картины мира адресатов. Именно поэтому нами взяты в качестве языкового материала для исследования речи выступлений глав стран. «Собственно лингвистическое исследование метафоры как способа осмысления политических реалий дает важный материал для анализа способов политического мышления в обществе» [Гаврилова 2002: 95]. Метафоры, проецируя определённые образы в сознании адресатов, оказывают влияние на формирование их ментальности. «Метафора в рамках дискурса становится социальным инструментом, который может быть эффективным спосо-

бом формирования общественного мнения» [Калинин 2020: 36].

Результаты исследования

Нами взяты к рассмотрению тексты выступлений президента РФ Владимира Путина и председателя КНР Си Цзиньпина в период распространения коронавирусной инфекции в 2020 году. Несмотря на то, что главы государств выступали на разных языках, каждый в адрес своего народа, но их речи имели общую особенность, а именно содержание большого количества военной метафоры. Это объясняется общностью кризисной ситуации, ставшей перед лицом народов всего мира, в том числе Китая и России, как последствие распространения коронавирусной инфекции.

Война, как общечеловеческий опыт, знакома любому народу мира, и близка практически каждому поколению народов как Китая, так и России. Пока человечество существовало, не прекращались войны в разных уголках мира. Война является крайней формой противостояния, поэтому породила большое количество метафор, которые отражают конфликтную ситуацию, подчёркивая противостоящие образы союзника и врага. Как ни странно, в кризисный период именно военные метафоры помогают консолидировать население для борьбы против общего внешнего «врага», образ которого создаётся тоже посредством метафоры, акцентируя противостояние «мы и они», «военные метафоры являются ключевыми для экспликации микроролей агрессора, варвара, злодея с одной стороны, а также лидера, защитника и бойца — с другой стороны» [Кураш, Амагов, Свищев 2018: 19]. Также мы можем утверждать, что военные метафоры помогают народу пережить самые трудные для страны времена, пробуждая боевой дух народа.

Использование метафоры «война» приобрело особую актуальность в эпидемический период, когда общим врагом перед человечеством стала эпидемия коронавирусной инфекции. Нами взяты к изучению 18 текстов выступлений президента Путина, включая обращения к россиянам, совещания с правительством и руководителями регионов в связи с эпидемией, и 7 текстов председателя Си Цзиньпина за 2020-й год, среди которых обращение к китайскому народу, речь выступления на совеща-

нии постоянного комитета политбюро, выступление на 73-й Всемирной Ассамблее здравоохранения и т.д. В проанализированных текстах выступлений «война» выступает сферой-источником, а «борьба с пандемией» — сферой-мишенью, то есть происходит перенос качеств войны на эпидемическую ситуацию. Создаётся когнитивная модель «Пандемия COVID-19 — война человечества против коронавируса».

Анализ показал, что частотность употребления военной метафоры зависит от ряда причин, к примеру, ситуации распространения инфекции, аудитории слушателей, прагматических целей оратора и т.д. С помощью метафор политические деятели создают ряд ассоциации, через которые проясняется образ вируса и акцентируется критическое положение страны под угрозой эпидемии, метафоры помогают оратору манипулировать мнениями слушателей и даже побуждают их к действиям. При анализе речей глав двух государств легко обнаружить, что повышенная частотность употребления метафор совпадает с пиком распространения эпидемии, то есть связана с прагматическими целями оратора побудить к борьбе, уверить победу, консолидировать силы общества.

Метафорические выражения по теме войны можно группировать в разные группы, или как в когнитивной лингвистике принято называть «фреймы». Фреймы состоят из слотов, то есть конкретных языковых средств, при помощи которых выражены военные метафоры. По результатам анализа выделены следующие фреймы:

Общие для русского и китайского политического дискурса фреймы.

1. Фрейм «военные действия». Наиболее частотная группа слов состоит из глаголов или отглагольных существительных, репрезентирующих самое базовое действие войны, а именно конфликт. Эту группу мы именуем фрейм «военные действия». В русских текстах обнаружены слоты «борьба (бороться), сражаться, противостоять». К примеру,

*Вы знаете, что военнослужащие Министерства обороны работают и работают достаточно эффективно за границей, помогая нашим коллегам за границей **бороться** с этой инфекцией.* (13 апреля 2020 года)

Эта группа отражена и в китайских текстах, здесь мы видим такие слоты, как 斗争 (борьба, бороться); 战胜 (победа, победить); 攻关 (атаковать важное место, атака важного места).¹ К примеру, 向正在同病魔作斗争的患者及其家属、因公殉职人员家属、病亡者家属, 表示诚挚的慰问! Я хотел бы выразить искренние соболезнования пациентам и их семьям, которые **борются** с болезнью, семьям сотрудников, погибших при исполнении служебных обязанностей, а также семьям умерших от болезни! (31 марта 2020 года)

В текстах эти метафоры чаще всего выступают предикатом, субъект в данном случае “Мы — народ”, а вирус/эпидемия/болезнь — объект, над которым совершается действие, с последующим преобразованием в устойчивые выражения, такие как “борьба с эпидемией”, “борьба с инфекцией”, “борьба с коронавирусом”.

Вторая группа метафор. Фрейм “военное пространство” описывает место борьбы, выражается такими словами, как “красная зона, на переднем крае, на передовой” в русских текстах и “一线 (передовая линия), 防线 (линия обороны), 战线 (линия фронта)” в китайских. Пример,

Повторю, такие специалисты находятся на передовой. (8 апреля 2020 года)

Пример из китайского текста:

防控新冠肺炎斗争有两条战线, 一条是疫情防控第一线, 另一条就是科研和物资生产, 两条战线要相互配合、并肩作战。在**斗争** с COVID-19 есть два **фронта**. Один — это **линия фронта** профилактики и борьбы с эпидемией, другой — научные исследования и материальное производство. **Два фронта** должны сотрудничать друг с другом и сражаться бок о бок. (31 марта 2020 года)

Этой группой метафор ораторы выделяют особо важные и напряжённые территории, места борьбы с общим врагом, создаётся импликация Больница — военный фронт.

Фрейм “Участники войны”. Медицинских сотрудников, работников экстренных служб и всех, кто участвует в противоэпидемической работе в своей речи председатель Си Цзиньпин образно называет **бисолдатами**, **героями**, **авангардами**, участвующими в сражении против корона-

вируса. В выступлениях президента Путина также присутствует этот фрейм, но его составные метафоры кардинально отличаются от метафор речи Си Цзиньпина. Путин использует для описания эпидемической ситуации такие метафоры, как “нападающий, поражённый, пострадавший”, указывая на две противодействующие стороны, а именно вирус и заражённые пациенты. В этой группе создаются импликации “медперсонал — солдаты/герои/авангард войны”, “вирус — нападающий”, “больные — поражённые/пострадавшие”.

“Исход сражения или итоги войны”, этот фрейм в русских и китайских отличается по характеру исхода, в китайских текстах обнаружены только положительный исход войны, применены метафоры **胜利 (победа, победить)**, **必胜 (обязательно победить)**, **决胜 (решить исход сражения)**, **全胜 (полная победа)**. Причина этому вероятно связана с несхожей ситуацией распространения коронавируса в двух странах. После первой вспышки эпидемии в Китае в январе 2020 года, правительство КНР, быстро реагируя на экстренную ситуацию, предприняло ряд мер по контролю над ситуацией и предотвращению дальнейшего распространения вируса, усилиями медицинских работников, госслужащих и всего китайского народа, которая придерживалась жёстких правил карантина, уже к маю 2020 года удалось довольно успешно сдержать эпидемию, и в китайских СМИ уже появлялись тезисы об успехах сдерживания эпидемии, в которых использованы такие выражения, как “фазовая победа”, “стремление к полной победе”. В России эпидемическая ситуация развивалась несколько иным образом, поэтому в речи Путина появлялись и “победа”, и “откат”, и “срыв”, предупреждая российский народ о том, что нельзя расслаблять нервы, нужно быть бдительными, предотвращая откат эпидемии:

*“Но нам нельзя допустить **срыва, отката** назад, новой волны эпидемии и роста тяжких осложнений.”* (11 мая 2020 года)

2. Также в русских и китайских текстах присутствуют фреймы “Средства и стратегии”, “Военные подразделения”, “Символика войны”, “Приказы”, которые в целом составляют единство концептуальной метафоры Войны.

Отличительные фреймы

Из всех фреймов особое внимание привлекает фрейм “Подвиды войны”, который напрочь отсутствует в русских текстах. Глава КНР в своей речи называет действия по борьбе с вирусом “сражением” или “войной”, и в разных контекстах даются разные названия войн, к примеру:

党中央印发《关于加强党的领导、为打赢疫情防控阻击战提供坚强政治保证的通知》。

Центральный комитет партии выпустил Уведомление об укреплении руководства партии и предоставлении твердых политических гарантий для победы в Войне по предотвращению (по задержанию) эпидемий и борьбе с ними. (23 февраля 2020 года)

Данный фрейм представляет ярко выраженный образ “эпидемия — это война” в понимании китайского народа, в зависимости от угла зрения, от конкретных целей военных действий война получила разные названия, *阻击战 бой на задержание противника, 保卫战 оборонительная война, (人民) 战争 народная война, 总体战 тотальная война.*

Выводы

Из проведённого анализа мы можем утверждать, что военные метафорические концепции, выраженные в речи выступлений глав двух государств, имеют много общего, особенно в фреймах “военные действия”, “военное пространство”, “средства и стратегии”, “символика войны”, что говорит об общем для китайского и русского народов представлении борьбы с вирусом как борьбы с врагом. Такие параллели в разных языковых культурах позволяют нам судить “о некоторых психологических универсалиях в восприятии опасных для человеческой жизни событий и явлений, о параллелизме ассоциативных механизмов и отдельных образов” [Приёмшова 2021: 265].

Концепция “войны” всегда присутствовала в сознании как русского, так и китайского народов и оказала влияние на формирование национальной языковой картины. «Система ценностей российской цивилизации в том виде, в каком она сохраняется до сих пор, сложилась в условиях войны, когда государство, находящееся в вечном противостоянии с обществом, имело над собой не только внутрен-

ний контроль общества, но и внешний — со стороны врага» [Кульпин 2008: 38]. Для китайского народа война также стала одной из предпосылок зарождения “красного духа”, т. е. духа революции и патриотизма и “духа Великого похода”. «Дух бесстрашного революционного героизма, выраженный духом Великого похода, составляет суть революции Антияпонской войны и Народно-освободительной войны» [胡芳 2016: 17]. Эти идеи до сих пор являются главными, руководящими для коммунистической партии Китая.

Что касается отличительных характеристик фреймов в китайских текстах, мы видим здесь попытку структурировать участников военных действий. Стремление к иерархичности заложено в сознании китайского народа под влиянием идей конфуцианства, «Иерархические ценности возможно не являются изобретением конфуцианства, а скорее консенсусом китайского общества в течение длительного периода времени. Конфуцианство, не выходя за рамки этого консенсуса, разработало по сравнению с другими идеологическими школами Китая более сложную и всеобъемлющую иерархическую систему, для регулирования политики, патриархального права и повседневной жизни людей в китайском обществе» [汪乾 2017: 69].

Атрибутивное описание военных действий и войны, как таковой, акцентирует образность участников войны, целей военных действий. Описывая действия медицинских сотрудников в ходе борьбы с вирусом, председатель Си Цзиньпин образно называет их *阻击战 боем на задержание противника, 保卫战 оборонительной войной*, тем самым делает акцент на поставленных целях, а именно защитить граждан от вируса и остановить распространение эпидемии. Называя борьбу против вируса *人民战争 народной войной* или *总体战 тотальной войной*, Си Цзиньпин, закладывая в подсознании людей общность интересов всех граждан перед эпидемией и причастность к ситуации и ответственность каждого человека, призывает весь народ Китая к всеобщей борьбе, в чём и проявляется свойственный китайскому народу коллективизм. Как утверждал китайский социолог Фей Сяотун, «Китайский коллективизм оформился не в результате насильственного ограничения личной свободы индивидов во время

достижения некоей общей цели, а как выражение доброй воли каждого из них, их потребности в эмоциональной сплоченности» [Сухомлинова 2018: 94].

Таким образом, концептуальная метафора войны в политической речи глав государств имеет дуальный характер, с одной стороны, предпосылка её происхождения заложена в социально-историческом развитии государств, с другой стороны, прагматика употребления метафор в речи также напрямую связана с историческими событиями, происходящими в обществе, и социальными-психологическими стимулами оратора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В китайском языке существуют слова, относящиеся одновременно к двум и более частям речи, например, слова 斗争, 战胜, 攻关 могут выступать как субъектом так и предикатом речи, поэтому относятся как к существительным, так и к глаголам.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова, Журина 1990 — Метафора и дискурс. Теория метафоры. Арутюнова Н. Д., Журина М. А. (ред.). М.: Прогресс, 1990: 296–297.

Гаврилова 2002 — Гаврилова М. В. Лингвистический анализ политического текста. В сб.: *Политический анализ. Доклады эмпирических политических исследований СПбГУ*. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2002, (3): 88–108.

Калинин 2020 — Калинин О. И. Дискурсивная метафора коронавируса в СМИ КНР. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2020, (8 (837)): 26–37.

Кубрякова 2012 — Кубрякова Е. С. *В поисках сущности языка: Когнитивные исследования*. М.: Ин-т. языкознания РАН; Знак, 2012. 208 с.

Кульпин 2008 — Кульпин Э. С. Эволюция российской ментальности. Два субэтнуса. *История и современность*. 2008, (2): 34–54.

Кураш, Ааматов, Свищев 2018 — Кураш С. Б., Ааматов А. М., Свищёв Г. В. Военная метафора в политическом дискурсе: тактика и стратегия. Научный результат. *Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2018, (2): 12–20.

Лакофф, Джонсон 2004 — Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*: Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Приёмывшева 2021 — *Русский язык коронавирусной эпохи*. Приёмывшева М. Н. (отв. ред.). СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 610 с.

Сухомлинова 2018 — Сухомлинова В. В. Альтернативный коллективизм: глубинные характеристики традиционного китайского общества. *Манускрипт*. 2018, (9 (95)): 93–99.

胡芳 2016 — 胡芳. 长征精神动态演化历程的特点、反思与展望——纪念长征胜利八十周年. *井冈山大学学报(社会科学*

版). 2016, (37 (03)): 17–27. (На кит. яз.)

汪乾 2017 — 汪乾. 儒家思想基础上的世界秩序 // *国际政治科学*. 2017, (2 (04)): 68–89. (На кит. яз.)

REFERENCES

Арутюнова, Журина 1990 — *Metaphor and discourse. Metaphor theory*. Arut'unova N. D., Zhurinskaia M. A. (eds.). Moscow: Progress Publ., 1990: 296–297. (In Russian)

Гаврилова 2002 — Gavrilo M. V. Linguistic analysis of political text. In: *Politicheskii analiz. Doklady empiricheskikh politicheskikh issledovanii SPbGU*. St. Peterburg: St. Peterburg University Press. 2002, (3): 88–108. (In Russian)

Калинин 2020 — Kalinin O. I. Discursive Metaphor of Coronavirus in Chinese Media. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2020, (8 (837)): 26–37. (In Russian)

Кубрякова 2012 — Kubriakova E. S. *In Search of the Essence of Language: Cognitive Studies*. Moscow: Institute of Linguistics of the RAS Press; Znak, 2012. 208 p. (In Russian)

Кульпин 2008 — Kul'pin E. S. The evolution of the Russian mentality. Two sub-ethnic groups. *Istoriia i sovremennost'*. 008, (2): 34–54. (In Russian)

Кураш, Ааматов, Свищев 2018 — Kurash S. B., Aamатов A. M., Svishchev G. V. Military metaphor in political discourse: tactics and strategy. Scientific result. *Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki*. 2018, (2): 12–20. (In Russian)

Лакофф, Джонсон 2004 — Lakoff J., Jonson M. *Metaphors we live by*. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 256 p. (In Russian)

Приёмывшева 2021 — *Russian language of the coronavirus era*. Priemisheva M. N. (ed.). St. Peterburg: Institute of Linguistics Studies of the RAS Press, 2021. 610 p. (In Russian)

Сухомлинова 2018 — Sukhomlinova V. V. Alternative Collectivism: Deep Characteristics of Traditional Chinese Society. *Manuskript*. 2018, (9 (95)): 93–99. (In Russian)

胡芳 2016 — Hu F. Zhang zheng jing shen dong tai yan hua li cheng de te dian 、fan si yu zhan wang — ji nian zhang zheng sheng li ba shi zhou nian. *Jing gang shan da xue xue bao (she hui ke xue ban)*. 2016, (37 (03)): 17–27. (In Chinese)

汪乾 2017 — Wang Q. Ru jia si xiang ji chu shang de shi jie zhi xu. *Guo ji zheng zhi ke xue*. 2017, (2 (04)): 68–89. (In Chinese)